

УДК 94(470+571)«18/19»

Н. В. Венгер

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОЦЕНКЕ С. Ю. ВИТТЕ:
«... Я НЕ ЛИБЕРАЛ И НЕ КОНСЕРВАТОР,
Я ПРОСТО КУЛЬТУРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»**

Рассмотрена позиция С. Ю. Витте касательно решения национального вопроса в Российской империи. Ввиду отсутствия фундаментальных теоретических работ сановника по обозначенной проблеме автор основывается на особенностях его личной и политической биографии. Особое внимание уделено попыткам законодательного урегулирования межэтнических проблем, участию С. Ю. Витте в разработке законов 1904–1905 гг. относительно прав и свобод сект и неправославных конфессий, усилиям политика в области решения еврейского вопроса и противостоянию деятельности радикальных правонационалистических партий.

Ключевые слова: российский национализм, С. Ю. Витте, немецкий вопрос в России, поздняя Российская империя.

Досліджено позицію С. Ю. Вітте стосовно вирішення національного питання в Російській імперії. Зважаючи на відсутність фундаментальних теоретичних праць сановника з означеної проблеми, автор ґрунтується на особливостях його особистої та політичної біографії. Особливу увагу приділено спробам законодавчого врегулювання міжетнічних проблем, участі С. Ю. Вітте в розробці законів 1904–1905 рр. щодо прав і свобод сект і неправославних конфесій, зусиллям політика в галузі вирішення єврейського питання і протистояння діяльності радикальних правонаціоналістичних партій.

Ключові слова: російський націоналізм, С. Ю. Вітте, німецьке питання в Росії, пізня Російська імперія.

Im Blickwinkel der Verfasserin stehen S. Ju. Wittes Überlegungen zur Lösung der Nationalitätenfrage im Russischen Reich. Angesichts fehlender fundamentaler theoretischer Arbeiten dieses am Hofe einflussreichen Person geht die Verfasserin sehr gründlich auf die Besonderheiten seiner Biografie und der politischen Laufbahn ein. Das Hauptaugenmerk gilt dabei den Bemühungen S. Ju. Wittes um die gesetzliche Regelung der zwischen verschiedenen Ethnien bestehenden Probleme, seiner maßgeblichen Mitgestaltung der Gesetze von 1904–1905 bezüglich der Rechte und Freiheiten der nichtorthodoxen Konfessionen,

seinem Einsatz für die Lösung der jüdischen Frage und seiner ablehnenden Haltung gegenüber den radikalen rechtsnationalen Parteien.

Schlagwörter: russischer Nationalismus, S. Ju. Witte, deutsche Frage in Russland, das ausgehende Zarenreich.

In his letter with a request for resignation, addressed to the Emperor Nicholas II on 14th of April 1906 Sergey Witte (former minister, prime minister, one of the key figures in the political arena at the end of 19th and at the beginning of the 20th century in Imperial Russia) wrote: «I feel overwhelmed by the general harassment ... There is no unity about some important issues of public life, such as peasant question; Jewish, religious and some other problems among the members of the Council of Ministers...» This statement is very significant to explain Witte's sentiments he felt in the process of his major reforms. Promoting the empire towards modernization Witte worked on the result. He was accused of being lack of ideology by his political opponents, but Witte thought about the feasibility and didn't care what political orientation views he supported. He considered if his actions and reforms would bring a positive result. Witte did not like sharp changes, but made them if he was confident that the chosen reform was true.

Witte was a person with dual political and personal identity. The duality that accompanied Witte's personal and political biography can be explained with the transitional historical moment which the Russian Empire was undergoing, multiple ethnic and social structure of the state. He was both the German and the Orthodox, the liberal and monarchist; reformer and conservative; the Slavophile and the Westerner. Having German background, he mostly demonstrated his connection with the ancient Russian kin and belonging to the Orthodox Church. He wanted to have a «clear career biography»: if he was the Orthodox – he was perceived as a patriot. That strategy was helpful for him: Witte-politician was criticized on different occasions, but he was never accused of having spy and lobbyist ties with Germany and the Germans.

S. Witte who was a person with implicit identity, supported actively the other persecuted ethnic groups and has been a consistent supporter of the inter-ethnic relations' liberalization. As a supporter of the concept of unification, O. von Bismarck's and F. Liszt's admirer, he was aware of the importance of not only territorial and economic, but also social unification of the state. It was impossible without the recovery of ethnic relations' problems. S. Witte was sure that Russia had to use the positive experience of the united political nation formation having approved by Germany. He took part in making drafts of laws on religious tolerance, commented Polish, Finland, Jewish and German questions.

S. Witte considered nationalism as important objective phenomenon of that time and defined his positive and destructive manifestations. He opposed to the ultra-nationalist parties with their extremist doctrines, xenophobia and anti-Semitism. Witte denied Russification as a way of political and cultural homogenization and the strengthening of the unified Russian Empire. According to the politician's view, social peace and common goals resulted in close-knit (not divided with ethnic hatred) civil society can strengthen and preserve the unity of the empire.

Keywords: Russian nationalism, Sergey Witte, German Question in Russia, Late Russian Empire.

Обоснование темы. Один из возможных ракурсов исследования российского национализма и его проявлений в практической политике и общественной жизни общества связан с изучением данного явления в контексте хода реформ – контрреформ, проводимых в империи на различных этапах её истории. Проблемы преобразования Российской империи делили политикум и общество на две основные группы – сторонников реформ и апологетов консервативного пути развития государства. Поскольку реформы служили преимущественно целям осуществления необходимого экономического прорыва, а меры социального характера – инструментом для достижения экономических результатов, этнические проблемы далеко не всегда оказывались в поле воздействия реформаторов, демонстрируя при этом удивительную закономерность. Она состояла в том, что самые прогрессивные реформаторы, осуществляя полезные для государства шаги, далеко не всегда были на стороне «этнического либерализма», какой мы считаем эмансипацию в сфере межэтнических отношений, признание равных прав отдельных этнических групп, а также включение их и иноконфессиональные сообщества в предполагаемый образ единой российской нации как возможного действенного субъекта преобразований в Российской империи.

Задача проведения данного исследования состоит в выяснении взглядов С. Ю. Витте – реформатора и одного из знаковых политиков в истории России – относительно решения проблемного для империи национального вопроса. Продвигаясь по карьерной лестнице, Витте последовательно занимал посты министра путей сообщения (1892), министра финансов (1892–1903), председателя Комитета министров (1903–1905) и Совета министров (1905–1906). Поскольку со второй половины 1890-х гг. Сергей Юльевич Витте являлся ключевой фигурой, инициировавшей серию контroversивно воспринятых в империи реформ, его политика и мировоззрение должны быть важными для понимания не только динамики российского националистического дискурса, но и практической политики в сфере мониторинга и управления межэтническими отношениями. Вместе с тем, как свидетельствуют результаты анализа документального наследия бывшего председателя Совета министров, тема «Витте и российский национализм» является непростой для реконструкции. В отличие от многих других политиков рубежа XIX – XX ст., Сергей Юльевич не оставил потомкам детальных размышлений о возможном и эффективном проекте российской / русской нации, не высказывался по весьма близкому для него немецкому вопросу, хотя при этом

уделил значительное внимание еврейской проблеме и неоднократно выступал с осуждением ненавистных ему проявлений радикализма в области межнациональных отношений. Данное предварительное наблюдение может показаться весьма объяснимым: Витте был практиком, чьи действия были ориентированы на конкретные шаги, связанные с осуществлением прикладных задач в определенных условиях его пребывания на нескольких ключевых государственных постах¹. Вместе с тем некоторые факты его антропологической, личной и политической биографий позволяют предположить, что национальный вопрос был одним из болезненных моментов во взаимоотношении Витте с окружающим его обществом. Результаты исследования этой проблемы будут представлены в нашей статье.

Историография и источники. Фигура С. Ю. Витте – политика и реформатора – воспринималась весьма неоднозначно ещё его современниками. Витте провоцировал и неоднократно эпатировал общество, политикум, двор – Сергея Юльевича любили или ненавидели, но никто не оставался беспристрастным к оценке его деятельности и проявлениям личных качеств в политике. Главный редактор «Биржевых новостей» С. М. Проппер после смерти Витте констатировал: «Он умер неразгаданным» [29, с. 419].

Характеристику Витте оставил в своих воспоминаниях глава Канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов, который утверждал, что император «видел в нём соперника по влиянию и популярности» [26, с. 26]. Как полагал Мосолов, сам Витте понимал, что «его приход к власти был в некотором смысле случайностью... и Витте при дворе терпели по необходимости» [Там же].

П. Милюков называл Витте «редким русским самородком – со всеми достоинствами этого типа и с большими его недостатками». При этом либерал Милюков полагал, что политик по своим талан-

¹ На посту министра финансов Витте провёл денежную реформу, начал привлекать иностранные капиталы и взял курс на ускоренное промышленное развитие России. Он предлагал всячески развивать частную инициативу при государственном вмешательстве в народное хозяйство, провел реформу Государственного банка, обеспечил таможенную защиту производству от западных конкурентов, проводил политику, направленную на расширения восточных рынков. Приложил много усилий для образования Совета министров, создания парламентской системы. П. Струве позитивно отзывался о его деятельности по достижению Портсмутского мира, манифеста 17 октября, ряду важнейших законов 1905 – 1906 гг. [34, с. 185].

там был на голову выше всей правящей верхушки: «Придворная среда была для него неблагоприятна.; смотрели на него как на чужака, пришельца из другой демократической среды» [23, с. 264]. Революционный этап деятельности Витте лидер кадетской партии называл периодом «его третьего взлёта»: «Его позвали, потому что не позвать не могли» [Там же].

Политик, историк и философ П. Б. Струве подчеркивал, что «Витте совсем не принадлежал к случайным людям истории: его значение связано с размерами его личности, есть его собственное, а не заимствованное значение» [34, с. 183]. Витте никогда не был ни либералом, ни консерватором, иногда был намеренно реакционен, иногда присоединялся к прогрессивным силам, потому что, как заметил Струве, он «был безидеен» [34, с. 183–184]. Для нас важной является другая характеристика, представленная русским публицистом и философом, где последний рассуждает о том, что «фигура Витте стоит на рубеже двух этапов русской истории и принадлежит им обеим...» [Там же, с. 186]. «Исчез с исторической арены человек, – писал Струве, – исключительная одаренность которого только подчеркивается его слабостями недостатками и который ...вложился в дела великого исторического значения не как случайная фигура, которой выпал счастливый жребий, а как человек, отмеченный государственным признанием» [Там же].

В современной российской историографии деятельности С. Ю. Витте уделено значительное внимание. В исследованиях И. Ф. Гиндина [16], Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина [1–3] проделана, пожалуй, самая важная работа по реконструкции политического образа Витте, результатами которой в дальнейшем воспользовались другие историки для уточнения отдельных этапов и направлений деятельности политика. В нашем распоряжении также оказались исследования С. Д. Мартынова [22], В. Г. Сироткина [33], С. В. Самонова [31], А. Руманова [30], В. С. Дякина [17], Н. С. Андреевой [4]. Представляя общий анализ реформаторской деятельности Витте, выясняя роль и место политика в истории модернизации Российской империи, данные исследователи не уделили должного внимания анализу позиции сановника по национальному вопросу.

Для раскрытия избранной нами темы мы обращаемся, прежде всего, к свидетельствам самого Витте, а именно к его воспоминаниям, издаваемым неоднократно в короткой и более расширенной версиях [8–11], а также к содержанию его прикладных работ – «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист» и «Прин-

ципы железнодорожных тарифов» [13–15]. Информация, важная для понимания проблемы нашего исследования, также содержится в воспоминаниях деятелей культуры и политики, принадлежавших к близкому и профессиональному окружению С. Ю. Витте, а именно в материалах И. И. Толстого [12], А. Ф. Кони [20], Н.Х. Бунге [6].

Проблема этнической самоидентификации С. Ю. Витте. «Скрытая» немецкая тема рода Фадеевых-Витте. Отношение С. Ю. Витте к проблеме межэтнических взаимоотношений в Российской империи глубоко связано со спецификой его личной истории, исходит от его происхождения, окружения и воспитания, а в дальнейшем – политэкономических воззрений и, безусловно, соображений политического опыта и практической целесообразности. Витте неоднократно заявлял о себе как о представителе знатного русского дворянского рода. Тем не менее, немецкая фамилия политика указывает на некоторые особенности его биографии. Сергей Юльевич родился в семье Юлиуса Витте – заведующего департаментом Управления царского наместника в Закавказье. Его далёкие предки по отцовской линии в XVII в. переселились из Голландии в Прибалтику. Иоганн-Фридрих Вильгельм Витте (1782–1846) с 1804 г. служил в Лифляндской губернии лесным землемером. На данном посту он дослужился до титулярного советника и получил право на дворянство. Отец политика – Христофор-Генрих-Георг-Юлиус, лютеранин по вероисповеданию, родился в России в 1814 г. Подобно многим другим отпрыскам курляндских немцев, он получил образование в Дерптском университете, а после окончания института в Санкт-Петербурге был направлен в Саратов как специалист по сельскому хозяйству [11, с. 5]. В городе на Волге Юлиус Витте познакомился Е. А. Фадеевой – дочерью саратовского губернатора А. М. Фадеева. Последний являлся весьма знаковой для реализации иностранной колонизации в России фигурой.

Коллежский советник А. М. Фадеев с 1817 по 1834 гг. (по некоторым данным, по 1836 г.) занимал должность управляющего Конторой иностранных поселенцев в Екатеринославе – центральном городе губернии, которая являлась зоной образования селений иноземцев (болгар, немцев, меннонитов, шваб, чехов), приглашенных в Россию в ходе колонизационной программы второй половины XVIII – первой половины XIX ст. А.М. Фадеев был убеждённым сторонником колонизации, неоднократно посещал поселения с инспекционными поездками и с огромным уважением относился к немецкоязычным переселенцам [35, с. 48]. Их колонии к середине столетия приобрета-

ли столь процветающий вид, что, по свидетельству самого Фадеева, «Екатеринослав в те времена имел вид скорее голландской [менонитской. – Н. В.] колонии, чем города» [Там же].

Заметим, что сам А. М. Фадеев, несмотря на звучащую на русский манер фамилию, также родился в немецком поселении Ямбург, расположенном неподалеку от Петербурга, а его мать, урожденная фон Краузе, была родом из Лифляндии [Там же, с. 18–19]. Русская кровь была внесена в генетический код семьи, когда Александр Михайлович женился на княжне Елене Павловне Долгорукой, бабушка которой (Елена Ивановна Бриземан фон Неттиг) также происходила из Лифляндии и была замужем за французом Адольфом Францевичем де Бандре дю Плесси. Молодой лейтенант в начале своей военной карьеры служил в Саксонии, а затем был приглашен самой Екатериной II в Россию, где прославился участием в некоторых военных кампаниях [Там же, с. 20–21]. Мать жены Фадеева – немка, рожденная в России, была удачно выдана замуж за полковника князя В. В. Долгорукого.

Таким образом, в происхождении самого С. Витте весьма причудливо переплелись две этнические составляющие. Однако тот факт, что в его роду немецкой крови было намного больше, Сергей Юльевич предпочитал умалчивать, при этом неоднократно подчеркивал свою преданность православию и древность русского рода по материнской линии. Как писали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, Витте настаивал на том, что «происходил не от малоизвестных обрусевших немцев, а родился в семье дворянина, к моменту его рождения принявшего православие» [1, с. 9]. Они объясняют данную тактику поведения тем, что «в семье Фадеевых... вечной занозой сидели и лютеранское прошлое, и родословная его отца» [Там же, с. 10]. Несмотря на то что на государственной службе в Российской империи традиционно находилось немало количество чиновников, имевших немецкое происхождение [19], во второй половине столетия ситуация в сфере межэтнических взаимоотношений, включая и появившийся в 1840-х гг. немецкий вопрос, начинала меняться [7]. Следует предположить, что эти изменения являлись основной причиной того факта, что С. Ю. Витте в своих биографических справках был готов продемонстрировать «сильную» сторону своего рода, его «русскость» и православные традиции, нежели оправдываться по поводу иноземного происхождения.

Вскоре после того как Ю. Витте, отец будущего политика, женился на Е. А. Фадеевой (1846), две семьи – старшие Фадеевы и молодые

Витте – переехали на Кавказ [36]. А. Фадеев получил должность члена совета Главного управления Закавказского края и управляющего местными государственными имуществами, а его молодой зять, Ю. Витте, возглавил один из департаментов ведомства. С. Ю. Витте родился в Тифлисе. Карьера Ю. Витте на Кавказе сложилась не самым удачным образом. Об этом Сергей Юльевич подробно пишет в своих воспоминаниях. По просьбе кавказского наместника отец занялся Читахскими заводами, где в то время было начато производство чугуна. Предприятие курировал некто Липпе – баденский консул в Одессе, занимавшийся предпринимательством. Знакомство с Липпе позволило С. Ю. Витте окунуться в быт традиционной немецкой семьи. Отец брал детей в гости к предпринимателю, и будущий политик вспоминал, как за обедом их угощали блюдами, которые дети, воспитывавшиеся в традициях рода Долгоруковых, не воспринимали. Например, на обед подавали «суп из чернослива, дичь с вареньем и прочее». Эти кушанья известны современным исследователям как традиционные для кухни российских немцев. Вскоре Липпе погиб в результате несчастного случая, и Юлиус вынужден был взять на себя ответственность за предприятия. Его предпринимательские эксперименты привели к полному банкротству семьи [11, с. 34–35].

Большое влияние, по признанию самого С. Ю. Витте, на него оказали взгляды Р. А. Фадеева – дяди по материнской линии [2]. Р. А. Фадеев был одним из авторов консервативной программы реформ, написанной совместно с И. И. Воронцовым-Дашковым и изложенной в «Письмах о современном состоянии России». В данном проекте в консервативном и славянофильском духе звучал призыв к восстановлению допетровских государственных форм [3, с. 31; 11, с. 17]. В другом сочинении Фадеева, посвящённом Кавказской войне, а также в его «Письмах из Кавказа М. Н. Каткову» некоторое внимание было уделено национальной проблеме, выражалась уверенность в том, что Россия обладает природной способностью господствовать над Азией [1, с. 10]. Радикализм идей Фадеева критиковал даже Ю.Ф. Самарин в работе «Революционный консерватизм» [Там же].

В свете проекта Р. Фадеева и его теории о российской нации как исключительно русской по своему составу род Витте, имеющий немецкие корни, должен был чувствовать себя недостаточно комфортно. О себе С. Витте говорил, что он всегда являлся «монархистом и человеком религиозным» [11, с. 43], что в его случае означало православным. Православие было тем алиби, которое реабилитировало семью, представляя ее членов в образе истинных патриотов импе-

рии и монархии, что, впрочем, не противоречило истине. При этом патриотизм Витте был не просто теоретическим, а действенным и активным. После убийства Александра II Сергей Юльевич отправил Александру III проект создания контр-организации монархического толка, так называемой «Священной дружины», вследствие чего он даже был назначен на пост руководителя отделения контрреволюционной организации в Киеве [33, с. 148]. Сергей Юльевич постоянно напоминал, что неоднократно публиковался у М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» и в «Руси» Аксакова: «Моему складу ума более подходило направление, которого держался Аксаков» [11, с. 111]. Витте никогда не «отталкивал» консерватизм, а «крайним консерватором» он именовал, например, М. Н. Каткова. При этом, будучи по складу характера и направлению политики либералом, Сергей Юльевич с уважением относился к деятельности публициста, указывая на то, что Каткова, в отличие от многих других, нельзя обвинить в антисемитизме [Там же, с. 181]. Как признавался Витте, в юные годы «Аксаковы, Хомяковы и прочие члены этой чистой плеяды русских идеалистов, к тому же людей с громадными талантами, владели моим сердцем, и доньше я храню к ним род влечения» [Там же, с. 510]. Правда, в отношении Витте к влиятельному Каткову, видимо, присутствовали и опасения. Политику должен был памятен опыт его предшественника на посту министра финансов — Н. Х. Бунге, который не сумел наладить отношения с публицистом и был смещен со своего поста в результате масштабной печатной кампании [31, с. 69].

Весьма сдержанно, но без неприязни Витте высказывался и относительно К. П. Победоносцева [11, с. 195], которого непрестанно критиковали как современники, так и последователи. «Серого кардинала» и радикала, известного своими крайними монархическими взглядами, убежденного сторонника концепции государственной православной церкви, борца с протестантизмом (и его приверженцами) в России, для которого национальное и патриотическое начала в человеке определялись его конфессиональным отношением к православию, С. Витте считал образованным человеком, но «страдающим полным отсутствием положительного жизненного творчества» [Там же, с. 201]. Данная характеристика была весьма близка той, которая была дана обер-прокурору Святейшего Синода философом Г. Флоровским, противником консерватора. Он полагал, что Победоносцев «страдал историческим унынием, подозрительностью и маловерием» [37, с. 500].

Формирование нового мировоззрения. Понятие национализма в трактовке С. Ю. Витте.

После окончания Новороссийского университета с 1870 г. Витте служил в ведомствах железных дорог. Его карьера стремительно продвигалась, и за период немногим более десятилетия он из простого сотрудника локального управления Одесской железной дороги (1870) достиг поста начальника службы эксплуатации в администрации Общества Юго-Западных железных дорог (1880), а затем стал управляющим данного Общества (1886). Однако, как показывает история его жизни, С. Ю. Витте не был простым чиновником. Он являлся честолюбивым и амбициозным управленцем, пробовавшим себя в политике и заявившем о себе и своих взглядах в политической и профессиональной прессе. Если его первые работы в «Руси» были связаны с юношеским увлечением славянофильством, стремлением продемонстрировать свои верноподданнические чувства, то статьи в журнале «Инженер» касались чисто карьерных, исключительно профессиональных тем. Сложно предположить, что Витте был индифферентен к своему будущему. Он был нацелен на карьере, на свой успех и, работая на позитивную перспективу, формировал для себя новых героев и иные мировоззренческие ориентиры, которые в будущем определили его место в российской политике.

В работе «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» С. Витте предпринял первые попытки осмыслить и представить собственную концепцию модернизации Российской империи, связанную с развитием железнодорожного дела [15]. Осмысливая собственную теорию преобразования государства, Витте находит для себя идеал реформатора, «великого немецкого националиста» немецкого канцлера Отто фон Бисмарка. С 1883 г. Сергей Юльевич делает заявку на пропаганду бисмарковской концепции применительно к России, поясняя, что, хотя Российская империя уже давно юридически не имеет удельных княжеств, экономически и географически (расстояния и дороги) она является более слабым образованием, чем едва объединившаяся Германия [33, с. 147]. Витте считал себя последователем Ф. Листа, немецкого буржуазного экономиста, сторонника протекционизма, изложению взглядов которого политик посвятил книгу «По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист». Учение Листа привлекло С. Витте на рубеже 1880–90-х гг. В 1889 г. он издает брошюру, которая доказывает тот факт, что он расстается со славянофильскими иллюзиями и вооружается идеями национальной экономики Листа [13–14].

В данной работе находим очень краткое изложение того, как Витте понимал и объяснял понятие «национализм». Под национализмом он подразумевает нечто родственное «патриотизму», в котором национальная (государственная для него) идея играет основную роль. Национализм, в понимании политика, может иметь как позитивную, так и деструктивную направленность, которая определяется, по Витте, общим уровнем культуры субъекта – носителя националистических проявлений. Ориентируясь, видимо, на современное ему российское общество, политик заявляет: «Новейшие течения показывают, что национализм может получать разнообразные формы и объем применения в зависимости от места, времени и степени культуры». И далее: «...Мне представляется, что есть национализм здоровый, убежденный, сильный, а потому непугливый, стремящийся к охране плодов исторической жизни государства, добытых кровью и потом народа, и достигающий этой цели; и есть национализм болезненный, эгоистичный, стремящийся, по-видимому, к той же цели, но как подчиняющийся более страстям, нежели разуму, нередко приводящий к результатам противоположным» [14, с. 143–144].

Истинными националистами-патриотами Сергей Юльевич считал теоретика Ф. Листа и практика О. фон Бисмарка. Так, например, Бисмарк, объединив Германию и создав империю «с резким выражением национализма и с министерством, зависящим лишь от императора», не считал это препятствием к созданию «национального» государства, при котором были возможны «конституционная поместная автономия, веротерпимость по отношению к подданным негосподствующего вероисповедания (включая нехристиан), равноправие всех граждан вне зависимости от вероисповедания и происхождения, установление отношений правительства ко всем гражданам и их между собою на основании незыблемых и одинаковых для всех законов и прочее» [Там же, с. 144]. То есть в понимании С. Ю. Витте опыт Бисмарка, во-первых, является весьма применимым к условиям Российской империи с её монархической формой правления, полиэтничным и поликонфессиональным составом населения, а, во-вторых, является проявлением истинно конструктивной патриотической позиции немецкого реформатора. Эффективность созданной им модели, по Витте, состоит в сплочении всего населения объединённой страны вокруг патриотической идеи. Таким образом, не формулируя этого, политик показывает, что, вопреки своим ранним славянофильским представлениям, он является приверженцем единой российской, а как покажет его дальнейшая деятельность, политической нации.

Национализм Бисмарка, формируя из населения нацию, приводит державу к экономическому прорыву, новым вершинам, «есть высшим проявлением любви и преданности государству, составляющему отечество данного народа». Национализм «второго типа», хотя и окрылен высокими целями («составляет также проявление тех же чувств»), но «обуреваемых мезью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX столетия» [Там же, с. 143–144]. Если Бисмарка Витте называл «националистом первого рода», то своим антигероем он считал Абдул Гамида – халифа Османской империи, известного своей антихристианской политикой, сеющей религиозную и этническую рознь. В результате политики халифа в 1894–1896 гг. в Восточной Анатолии и других местах Оттоманской империи произошли массовые убийства христианского населения, при этом численность жертв погромов достигала 80 000 – 300 000 [25]. Несложно предположить, что в приведенных выше рассуждениях содержится явная критика некоторых современных Витте экстремистских националистических партий. Суммируя свои рассуждения, политик кратко заключает: «Я думаю, что первый тип более желательный для блага нашего отечества» [14, с. 143–144].

Анализируя теоретические разработки Листа, Витте стремится донести российскому обществу идею о важности ускорения экономического развития империи. Он предостерегал, что Россия неизбежно утратит свое положение, если не совершит экономический прорыв: «Ведь владычество метрополий над колониями [то есть целостность империи. – *Н. В.*] укрепляется ныне не силою оружия, а торговли...Неполнота экономического развития может повлечь за собой политическую и культурную отсталость страны» [22, с. 247]. В своих «Воспоминаниях» Витте вновь утверждал, что «современное государство не может быть великим без национальной развитой промышленности» [11, с. 514]. Важно, что он хотел видеть Россию «современным» государством, то есть подобным другим развитым державам, государством с определённым набором качеств, которые позволили бы назвать империю государством современным, и у него вызывал опасение тот факт, что «специфичность империи», или, как он говорил, «наши порядки» могут быть «признаны необычными в цивилизованных странах свойствами. Что немного иностранцев пожелают иметь с нами дело» [Там же, с. 513]. Как писал политик, он «несколько раз принципиально ставил вопрос о том, что необходимо признать, что водворение в России иностранных капиталов для развития торговли и промышленности есть вещь желательная, кото-

рую нужно поощрять...» [Там же, с. 417]. В воспоминаниях он в который раз отстаивал свои убеждения, выступая против «особости» и закрытости России, полагая, что экономические законы прогрессивного мира нельзя игнорировать, но следует изучать, знать и использовать на благо государства.

Некоторые исследователи утверждают, что Бисмарк был осведомлён о том, как Витте отзывался о результатах его деятельности. Однако остались свидетельства и о том, что сам канцлер также позитивно высказывался о российском политике. Следует вспомнить эпизод, связанный с «таможенной войной» с Германией 1894 г., в которой С. Витте занял твердую позицию и, защищая интересы империи, готов был пойти на разрыв с Германией. Его тактика привела к положительным последствиям – был заключен важный для обоих государств торговый договор, а Германия вынуждена была пойти на серьезные уступки России. В своих воспоминаниях Витте процитировал отрывок из статьи немецкого журналиста Максимилиана Гардена, который передавал впечатление Бисмарка о российском сановнике: «В последние десятилетия я первый раз встретил человека, который имеет силу характера, и волю и знание, чего он хочет» [5, с. 78].

Судьба неоднократно приводила Витте к немецкой теме. Он, например, был дважды награжден Вильгельмом II. Первый орден, полученный от кайзера, был связан с деятельностью чиновника в качестве управляющего Юго-Западными железными дорогами. Потребность в обеспечении эффективного движения на западных границах империи заставляла Витте принимать участие в съездах представителей немецких железных дорог, за что кайзер пожаловал ему, в то время чиновнику железнодорожного ведомства, орден Прусской Короны. Данный факт стал причиной кривотолков, вызвал удивление местных властей и подозрение центрального руководства [11, с. 139]. Российский министр путей сообщения просил Витте предоставить письменные пояснения относительно случившегося. Спустя много лет Витте прокомментировал ситуацию следующим образом: «Я очень удивлён, что меня об этом спрашивают, что орден дал ведь не я Вильгельму, а Вильгельм мне, поэтому они должны были обратиться к Вильгельму... Никаких заслуг ни перед императором Вильгельмом, ни перед Пруссией за собой не чувствую и не знаю» [22, с. 57]. Вторым орденом от Вильгельма (орден Красного орла) был получен в сентябре 1905 г., на обратном пути Витте из США через Париж и Берлин после удачно подписанного Портсмутского мира. Характерно,

что данной награды обычно удостоивались лишь представители монарших династий [Там же, с. 387–388]. Сохранилось свидетельство о том, что Вильгельм II однажды высказался о Витте следующим образом: «Если бы у меня был хоть один такой министр, я бы сделал в Германии чудеса» [21].

Витте о межэтнических отношениях в Российской империи.

Будучи долгое время монархистом-славянофилом, по складу своего характера С. Витте скорее являлся либералом. В предисловии к воспоминаниям мужа графиня М. И. Витте цитировала самого графа, который писал о себе буквально следующее: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я...» [11, с. 3]. Выказываясь подобным образом, Витте словно ведёт негласный диалог, противопоставляя свои взгляды позициям и поступкам тех «иных», с кем он заочно полемизирует. Эти «другие», как следует из цитаты, ссылают, лишают гражданских прав, преследуют тех, кто придерживается иного вероисповедания. Витте – политик и гражданин – осознает, что в Российской империи, полиэтническом государстве, ситуация с межэтническими отношениями имеет неурегулированный и нецивилизованный характер.

Как чиновник, Витте столкнулся с данными проблемами, занимая пост премьер-министра. После 17 октября 1905 г. на него обрушилось большое количество корреспонденции, прежде всего по вопросам избирательных прав, связанных с проблемой этнического представительства, из городов и окраин (г. Харькова, Грузии, Армении и т. д.) [17, с. 441, 470, 489, 665, 777]. Тогда он не просто ощутил наличие проблемы, но и осознал острую необходимость её регулирования.

Витте, который, критикуя настоящее, нередко идеализировал прошлое, памятуя позитивную карьерную историю своего рода и отношение деда (А. Фадеева) к колонистам, утверждал, что в «былые времена» ситуация носила иной характер. Аргументируя свою позицию, он обратился к анализу деятельности бывших кавказских наместников, которая являлась проявлением общей позиции государства относительно инородцев. Витте полагал, что в «былые времена» наместники «...держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи, и что к христианскому населению Кавказа в особенности нужно относиться также, как и к русским. В этом смысле

они не делали никакой разницы между русскими и туземцами. Вообще при всех наместниках был недопустим принцип узкого национализма, который ныне так ярко проповедуется и проводится; тот принцип узкого национализма, при котором все нерусские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя» [9, с. 105–108]. И далее политик заявлял, что «принцип этот весьма ложен, и конечно, он России ничего, кроме вреда, принести не может, если только от этого принципа постепенно не отстанут» [Там же, с. 107].

Фактор этнического происхождения никогда не являлся для С. Витте определяющей характеристикой при оценке личности конкретного человека. Тем не менее, оставляя многочисленные описания политиков, чиновников и простых людей, с которыми сводила его судьба и карьера, сановник не отказывался упомянуть об этнической принадлежности своего героя. Следует предположить, что это свидетельствовало как минимум о том, что данная характеристика была важна если не для Витте лично, то для современного ему российского общества в целом. Упоминание об этнической принадлежности героя служило для Витте одним из способов уточнения характеристики. Например, по воспоминаниям сановника, граф П. Е. Коцебу, генерал-губернатор Одессы, «русский немец, человек положительный и также выдающийся» [11, с. 55]. Или генерал-губернатор и командующий войсками Одесского, а затем Киевского военного округа генерал-адъютант А.Р. Дрентельн, как вспоминал Витте, «был всеми уважаем как русскими так и инородцами. Хотя он был очень жесток с инородцами... но был справедлив и порядочный человек... Мне часто приходится слышать это и от поляков и евреев» [8, с. 136–139]. Оценивая личность графа П. К. Бенкендорфа, Витте писал, что граф – «ярый католик, но тем не менее весьма порядочный человек» [11, с. 271]. И далее, словно в своё оправдание, звучит следующий комментарий: «Если я упомянул о его католичестве, то только потому, что при том *крайнем направлении православия*, которое ныне царствует при дворе, казалось бы довольно странным, что гофмаршал двора – католик, а министр двора, барон Фредерикс, тоже весьма почтенный человек, – лютеранин. Когда приходится бывать на богослужении, то очень странно видеть, что эти два лица, занимающие при дворе такие высокие посты, стоят как истуканы, когда все остальные крестятся. Это, конечно, несколько не мешает их достоинству, но находится в полной дисгармонии с тем крайним внешнеправослав-

ным направлением, которое внедрилось наверху после 1905 г., то есть после революционной смуты» [Там же].

Витте неоднократно подчеркивал, что национальный характер вовсе не является определяющей стороной персоналии и тем более не должен рассматриваться как повод для априорных представлений о личных и деловых качествах человека. Например, сановник с огромным уважением относился к дворцовому коменданту генералу П. П. Гессе и явно недолюбливал его жену. Не скрывая этого, он поясняет своё отношение следующим образом: «Сами Гессе – еврейского происхождения... Многие думают, что если кто-нибудь имеет предков евреев, то непременно имеет и недостатки этой нации, но это не вполне верно.... Так, например, в Гессе его еврейское происхождение ничем не обнаружилось, тогда как в его жене, которая была чисто русская, недостатки, которыми страдают многие евреи, были весьма заметны» [11, с. 326].

Для него была непонятна кадровая политика и любая другая политика, построенная на национально-этнической дифференциации. Критикуя черносотинцев, Витте писал: «Несомненно, что все эти поляки и евреи, которые теперь должны были оставить службу в следствие нового черносотенного направления, все они с государственной точки зрения были не менее благонадежны, нежели русские. Таким образом, увольнение их есть ничто иное, как дань безумному политическому направлению» [Там же, с. 92]. В поддержку своей позиции сановник описывает нелепый случай с неким Катульским, одним из чинов начальника станции Одесса, которого уволили как поляка, поскольку его фамилия заканчивается на «-ский», якобы в связи с тем, что одесский градоначальник Толмачев отдал данное распоряжение. Увольнение состоялось, но в дальнейшем чиновники выяснили, что отец Катульского являлся православным священником, следовательно уволенный не был поляком. По понятным причинам министерство не пожелало признаться в допущенной ошибке [Там же, с. 93].

Несмотря на особенности своей личной истории, С. Витте утверждал, что человек не должен стыдиться проявлений своей истинной этнической и религиозной идентичности, а тем более скрывать её. Будучи православным от рождения, политик дает негативную характеристику министру внутренних дел В. К. Плеве. По оценке Витте, Плеве – «рenegат из-за карьеры, ..не может быть честного человека, меняющего свою религию из-за житейских выгод... Как рenegат и не русский, он, конечно, дабы показать, какой он истинно русский и православный, готов был на всякие стеснительные меры по отно-

шению ко всем неправославным подданным его величества ...» [Там же, с. 321].

С. Витте осуждал Плеве за ту поддержку, которую последний оказывал Г. С. Голицину – наместнику на Кавказе в 1897–1904 гг. Последний «по собственной инициативе или, следуя общему модному пароллю, явился на Кавказ с программой его русифицировать, причем и эту программу проводил со страстью и свойственной ему сумбурностью...». Сановник обвинял князя Голицина в том, что он «пошел против всех национальностей, обитающих на Кавказе, так как он всех хотел обрусить...» [Там же, с. 396]. Витте представляет своё пояснение событий на Кавказе: «Смута приобрела особый оттенок, ибо племена Кавказа суть азиаты, у которых особая психология и особые понятия о гражданственности» [11, с. 396]. И лишь И. И. Воронцов-Дашков, занявший пост наместника в 1905 г., положил конец бесчинствам.

Понятие «русификация» Витте употреблял в исключительно негативном значении. Например, сановник вспоминает А. Л. Апухтина, попечителя Варшавского округа, который «оставил по себе в Варшаве дурную память, так как в учебных заведениях Царства Польского он преследовал крайне узкие русификаторские цели» [11, с. 47]. Или, возвращаясь к деятельности Г. С. Голицина, Витте порицает его политику: «Голицин был первым, пожелавшим русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насильем и полицейскими приемами. За это он и поплатился...» [Там же, с. 32]. И далее: «И вот это приемы истинно русского поляка, или иначе говоря «истинно русского человека с польской кровью» не могли дать иных результатов как отвратительных. Он вздумал все кавказское население обращать в истинно русских людей – эта его деятельность и была зародышем того истинно русского направления, которое ныне – смею думать временно – царит над Россией, причиняя ей гораздо больше вреда и бедствий, нежели пользы» [Там же].

Противник насилия и преимущественно сторонник либерального пути урегулирования любых вопросов, Витте рассматривал Российскую империю как «военную империю», которой «отвели большое место и почет не за что иное, как за силу» [Там же, с. 509]. Под военной империей сановник понимает огромное территориальное объединение, целостность которого держится на силе оружия, то есть на насилии. Современное ему состояние империи и её революционное движение он связывал с фактором насилия при решении внутри-

государственных проблем: «Вся наша революция произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп...В Российской империи такой потоп наиболее возможен, так как более 35% населения нерусского, завоеванного русским. Всякий же знающий историю, знает, как трудно спаивать разнородные населения в одно целое и особенно при сильном развитии в XX столетии национальных качеств и чувств» [Там же, с. 525].

Бунт окраин Витте рассматривает как закономерное продолжение внутригосударственных проблем: «Если бы в России не было смуты, не явилась бы горячка освободительного движения...; то окраины не подняли бы головы и не начали предъявлять вместе со справедливыми и нахальные требования. Окраины воспользовались ослаблением России, чтобы показать зубы. Они начали мстить за те многолетние действительные притеснения и меры совершенно правильные, но с которыми не мирилось национальное чувство завоеванных инородцев» [Там же, с. 586]. И далее: «Вся ошибка нашей многодесятилетней политики – это то, что мы до сих пор ещё не осознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белоруссов, что невозможно в XIX и XX веке вести политику, игнорируя этот исторический капитальной важности факт, игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю – их религию, их язык и прочее» [Там же]. Вновь выступая против политики русификации как способа решения межнациональных проблем и состояния окраин, Витте убеждает: «Девиз такой империи не может быть «Обращу всех в истинно русских». Этот призыв не может сформировать общего идеала всех подданных русского императора, не может сплотить всё население, создать одну политическую душу. Может быть, для нас, русских, было бы лучше, чтобы была Россия, и мы были бы только русские, а не сыны общей для всех подданных царя Российской империи. В таком смысле откажитесь от окраин, которые не могут и не примирятся с таким государственным идеалом. Но ведь этого наши цари не желали...что нам мало поляков, финляндцев, немцев, латышей...Во всяком случае ещё произойдут большие потрясения...» [11, с. 584].

Практическая деятельность Витте, будь то на должности министра финансов или на других занимаемых им постах, всегда была продолжением его политических взглядов. С назначением в 1903 г. С. Витте на должность председателя Комитета министров изменилось общее направление политики в национальном вопросе, и новый этап усиления националистических тенденций фиксируется лишь с 1908 г. Будучи главой Комитета министров (зимой 1904–1905 гг.), Витте усердно занимался подготовкой церковной реформы. Указом 12 декабря 1904 г. Комитету министров было поручено пересмотреть законы о правах раскольников, а также «лиц инославных и иноверных исповеданий». Цель принятия нового законодательства состояла в «изыскании мер для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, устранения излишних стеснений иноподобцев и всяких исключительных законов» [9, с. 354]. Политик упоминал, что, несмотря на препятствие, с которым столкнулись разработчики законодательства (например со стороны К. П. Победоносцева, отстаивавшего идеи «полицейско-православной церкви») [Там же, с. 360], «практически было кое-что сделано по вопросу веротерпимости, о школе в западных губерниях, о старообрядцах и сектантах» [Там же, с. 355]. Особое совещание под руководством Витте подготовило Закон «Об укреплении начал веротерпимости», подписанный царём 17 апреля 1905 г., позволяющий выход из православия и отмену законодательных ограничений в отношении старообрядцев и сектантов. В обществе данные законы оценивали неоднозначно, и после подписания закона А. В. Богданович в своём дневнике написал: «Говорят, что теперь окраины наши совсем уйдут из-под русского влияния» [22, с. 358]. В своих воспоминаниях Витте приравнял закон о веротерпимости по значению к «первой вешей ласточке все-русской весны» и Манифесту 17 октября 1905 г., утверждая, что он «составляет базис того положения вещей, в котором находятся в России инославные и другие церкви, отличные от святой православной церкви»: «Указ этот такого же рода, как Манифест 17 октября 1905 г., то есть представляет собою такие акты, которые можно временно не исполнить, можно проклинать, но которые уничтожить никто не может. Они как бы выгравированы в сердцах и умах громадного большинства населения, составляющего Великую Россию» [Там же, с. 361]. Следует упомянуть, что законодательные акты, в разработке которых принимал участие Витте в 1905–1906 гг., являлись своеобразной упредительной мерой, попыткой остановить революцию, заменить её прогрессивными реформами.

Для разработки дальнейших уточнений закона, принятого 17 апреля, было создано «Совещание по вопросам о веротерпимости» под руководством графа А. П. Игнатьева. Как пишет Витте, в дальнейшем «совещание никаких законченных трудов не сделало и...ничего не предоставило, затем было закрыто и некоторый материал передало в министерство внутренних дел» [9, с. 362]. Причину неэффективности данного органа Витте поясняет инертностью и косностью политиков: «...Этот шаг, принятый Государем в самых скромных размерах по отношению водворения законности и разумной свободы в России, встретил такие препятствия, которые свели в значительной степени благие намерения этого указа к нулю» [Там же].

Заметим, что в разрешении множественных этнических проблем (или так называемых вопросов) на территории Российской империи Витте был готов действовать ещё более решительно. В мае 1905 г. эстляндский и лифляндский предводители добились аудиенции у председателя Комитета министров С. Ю. Витте и представили ему каждый по докладной записке с просьбой поддержать деятельность рыцарских гимназий, о введении обучения на латышском и эстонском языках. Политик высказался позитивно и передал ходатайства на рассмотрение Комитета министров [4, с. 193–194]. Прибалтийская политика С. Витте, по мнению Н. С. Андреевой, напрямую содействовала «остзейскому самоопределению» [Там же, с. 197].

Сановник признавал несправедливость и нецелесообразность усиления немецкого вопроса в России в условиях Первой мировой войны. Витте был категорически против вступления России в войну с Германией. После её начала сановник писал: «Что до меня лично, то я очень сожалею об этом огромном несчастье... Это ад на земле...» [1, с. 388]. Он решительно высказался против закона, принятого для ограничения деятельности немецких предприятий, подходя к вопросу с точки зрения экономической целесообразности, видя в них угрозу принципу гражданских прав и свобод, неприкосновенности собственности: «Они уговаривают меня: граф признайте, что дважды два пять. Ненадолго признайте, только на время войны. А потом дважды два опять будет четыре. Нет, никак согласиться не могу. Если на время войны признаю, ...то после войны дважды два будут сапогами всмятку...» [30].

Особое место в воспоминаниях Витте занимают его размышления относительно решения проблем управления Великим княжеством Финляндским. На рубеже XIX–XX ст. особенно заметными стали мероприятия по русификации данной территории, направленные

ные на постепенную ликвидацию автономии, её интеграцию в состав России и введение на её территории общих законов империи. Витте считал тенденцию относительно Финляндии неправовой, неразумной и несвоевременной: «Какие будут последствия этой меры, посмотрим, но несомненно, что многое будет зависеть от общего положения, в котором будет находиться империя в ближайшие десятилетия» [11, с. 570]. Он осознавал, что политика по финляндскому вопросу является симптоматичной для империи, проявлением общих настроений относительно решения проблем внутринационального взаимодействия, набирающим активность «поход против инородцев»: «Если обстоятельства будут складываться неблагоприятно, то затеянное своеобразное русифицирование Финляндии, как вообще поход против инородцев, может иметь весьма тяжелые для империи и династии последствия» [Там же].

Витте убеждал, что Финляндия – «окраина особого рода», единственная окраина, «которая нам ничего не стоила и не сосала соки из великорусских крестьян» [Там же, с. 588]. Признавая ошибочность действий Николая II и порицая их, сановник напоминал, что с начала XIX ст., после предоставления Финляндии политического самоуправления, многие российские императоры сожалели о данном поступке Александра I, однако никто из них ранее не решался нарушить законодательство, переступить через обязательство, взятое на себя российской монархией в 1809 г. Новые политические шаги, наблюдаемые относительно Финляндии на рубеже столетий, Витте рассматривал не иначе как «политическую провокацию», которая способствуют появлению на ранее самоуправляемой территории «таких явлений, которые затем могли бы оправдать русское насилие, физическое или законодательное, а в особенности путь политического иезуитства, путь политического лукавства..., дающие русской администрации права полного произвола, в корне нарушающие основные начала конституционной самостоятельности...» [Там же, с. 573]. Проявления терроризма, наблюдаемого в Финляндии (убийство генерал-губернатора Н. И. Бобрिकова), сановник считал закономерным последствием политики, проводимой российскими властями. Он видел прямую связь между терроризмом и всплеском этнического национализма: «...Убийства совершены не анархистами, не революционерами, а финляндцами за национальные идеи» [Там же, с. 584]. Витте сделал очевидный для себя вывод: агрессия со стороны Финляндии никогда бы не появилась, если бы Россия проводила в княжестве взвешенную политику, ведь «финляндцы по натуре кор-

ректные люди, чтущие законы, а им чужды безобразнейшие убийства, ежедневно совершаемые в России на политической почве...» [Там же]. Таким образом, не оправдывая националистический терроризм, Витте как минимум поясняет его причины, убеждая, что именно империя несет прямую ответственность за происходящее на её северной окраине.

Витте и антисемитизм. В «зараженной» антисемитизмом России С. Ю. Витте был одним из первых реформаторов, который не побоялся выступить против эскалации еврейского вопроса. Позиция политика определялась двумя важными моментами его жизненного пути: личной биографией и направленностью его карьерной деятельности. Известно, что С. Витте был женат дважды. Второй брак был заключен с крещёной еврейкой Матильдой Ивановной Лисаевич. И, хотя император Александр III не жаловал браки своих сановников с инородцами, для С. Витте, видимо, было сделано исключение. Существует легенда о том, что на попытки недоброжелателей направить гнев императора на Витте, занимавшего в тот момент пост министра путей сообщения, монарх ответил следующим образом: «Пусть жегится хоть на козе, лишь бы поезда ходили» [22, с. 72].

Проживая некоторое время на Юге, С. Витте был свидетелем жестоких и бессмысленных погромов в Одессе и Киеве. Как полагал политик, состояние еврейского вопроса в Российской империи не только противоречило его представлениям о цивилизованном государстве, но и имело тенденцию к ухудшению. Он утверждал, что ещё в 1880-х гг. власти противодействовали проявлению национального экстремизма. Вспоминая период губернаторства П. Е. Коцебу в Новороссии, Витте писал: «Вообще правительство в то время смотрело на дело так, как и должно смотреть, а именно, что никаких беспорядков, никаких погромов, против кого бы они ни были направлены – против русских или против евреев, – государство терпеть не должно» [11, с. 99]. Особого порицания, по мнению сановника, заслуживает политика министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева и И. Н. Дурново (занимал пост министра внутренних дел и председателя Комитета министров). Их антиеврейскую политику Витте считал неразумной и наносящей огромный вред престижу России, особенно в связи с тем международным резонансом, который вызывали во всем мире зверские погромы.

В своих мемуарах С. Витте поведал о его беседе с Александром III относительно возможностей урегулирования еврейской проблемы в России. Сановник задал императору ироничный и провока-

ционный вопрос о том «может ли тот потопить всех евреев в Черном море». Ответ был очевиден. Тогда Витте предупредил, что единственное решение еврейского вопроса состоит в том, чтобы «позволить им (иудеям) жить», а последнее возможно лишь при постепенном уничтожении специальных законов, «предоставлении евреям полноправия с другими подданными царя» [Там же, с. 398]. Антисемитизм и конфессиональное неравноправие С. Витте рассматривал как главную причину участия евреев в революционном процессе: «Евреи ... стали одним из злых факторов нашей проклятой революции» [Там же, с. 399]. При этом, однако, сановник несколько позднее уточнял, что, в связи с революцией, достаточно сильно разочаровался в евреях: «Они стоят во главе революции, разжигают страсти... Они сами дают аргументы против себя в руки своих врагов» [10, с. 328–329].

Призывая использовать на пользу государства и общества предпринимательские способности евреев, Витте с иронией комментировал распространённые в российском обществе этнические стереотипы: «...Хотя евреев обвиняют в том, что мужик от голода пухнет, не понимают они, что отпусти евреев и мужики пухнуть перестанут» [1, с. 156]. Основываясь на позиции Витте по еврейскому вопросу, националисты-экстремисты упорно отстаивали версию его причастности к мифическому «мировому жидо-массонскому заговору». Основанием для этого были два фактора – реформы по привлечению иностранных капиталов и личные контакты Витте. В системе модернизационных планов политика особую роль занимала «Евразийская программа»: создание смешанных русско-азиатских банков с участием иностранного капитала и строительство железных дорог на Дальнем Востоке через Сибирь. Поскольку появившиеся в связи с данной программой инвестиции и займы использовались неэффективно, в 1899 г. министр предложил пересмотреть практику иностранной помощи и позволить иностранным банкирам и предпринимателям напрямую вкладывать деньги в строительство заводов. Против этого особенно выступал министр иностранных дел М. Н. Муравьёв, который направил императору доклад с предостережением: «Таковыми мерами мы наводним Россию шпионами, чего никак нельзя допустить особенно относительно тяжелой промышленности». Генерал А. Н. Куропаткин опасался запустить в Россию «иудо-массонов Ротшильдов». В результате было принято половинчатое решение: позволить покупать иностранцам заводы, но не землю под ними. Витте по данному поводу саркасти-

чески шутил: «Штаны купить можно, а вот надеть их или снять без разрешения Куропаткина нельзя» [33, с. 153–155].

Управляя финансами империи, министр выступал против новых мер по ограничению предпринимательской деятельности евреев. Он вспоминал: «...Хотя во всех министерствах стеснительные меры против евреев считались необходимыми, но Министерство финансов всегда признавало их несправедливыми в своей деятельности, считая евреев полезными посредниками для торговли и промышленности, отступало от этого неоднократно, и будет впредь отступать» [11, с. 333].

В «Избранных воспоминаниях» А. Ф. Кони находим описание заседания Комитета министров от 7 января 1903 г., на котором решался вопрос об открытии в Вильно «Дома трудолюбия» для евреев. Министр внутренних дел В. К. Плеве высказался против данного проекта, за что выслушал критическую речь Витте [20]. Последний полагал, что сам Плеве в душе не был ярым антисемитом, однако, как официальное лицо, улавливал настроения Великого князя Сергея Александровича и императора Николая II. Витте, который недолюбливал Плеве, также обвинял его в причастности к погромам: «Я не решусь сказать, что Плеве непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого». Сановнику также было известно, что, связываясь с представителями еврейской диаспоры в Париже, Плеве предлагал им следующее соглашение: «Заставьте наших прекратить революцию, я прекращу погромы и начну отменять стеснительные меры против евреев» [11, с. 402].

После принятия закона 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и правах неправославных церквей в России, разработанных Кабинетом министров под его началом, Витте готов был идти дальше. Он доверил чиновнику канцелярии Совета министров П. П. Менделееву составить записку по еврейскому вопросу, предполагая кардинально изменить ситуацию в стране, что было исключительно важной мерой в связи с усиливающимся революционным движением. Витте наблюдал как идея эмансипации евреев постепенно завоевывает все большую часть трезвомыслящего и образованного общества, и в ответ на обвинения лидеров еврейских общин о бездействии властей заверял, что его лично «нечего убеждать в том, что интересы России требуют уравнивания евреев правах с остальным населением, и что даже в высших сферах по этому поводу не замечается сомнений». Однако евреи с сожалением заметили, что в манифесте от 17 октября еврейский вопрос не поднимался, однако лишь в докладе, сопровождающем мани-

фест, говорилось о равных правах, которыми наделены все подданные. Это давало возможность продолжения погромов, которые охватили 660 населенных пунктов и продолжались до 29 октября. Тогда было убито более 800 евреев. Бывший директор Департамента полиции А. А. Лопузин в беседе с Витте заявил, что погромы порождены не только черносотенными организациями, но и «крайним правительственным антисемитизмом» [1, с. 282–283]. Подтверждение этому находим в дневнике А. В. Богданович, который сообщает, что, когда в апреле 1906 г. на заседание Совета Министров С. Ю. Витте внёс «добавку в «Основные законы» о равноправии евреев и отчуждении земли. О равноправии евреев сразу было провалено всеми членами заседания» [22, с. 434].

Заявив пост председателя Совета министров, Витте получил поддержку со стороны И. И. Толстого, будущего министра народного просвещения. Толстой со всей убежденностью заявлял, что является противником политической линии по еврейскому вопросу, «решительным и убеждённым сторонником полного равноправия всех учебных заведений, национальностей и полного уравнивания евреев во всех правах с остальными гражданами России» [12, с. 127]. Он считал справедливым и целесообразным провести немедленную отмену процентных норм при поступлении в учебные заведения, разрешить евреям занимать преподавательские места и открывать собственные [Там же, с. 128]. Толстой настаивал на решении еврейского вопроса до созыва Думы. Ответственный пост Витте заставлял его действовать более осмотрительно, и он полагал, что последнее слово в разрешении еврейской темы следовало было предоставить Государственной Думе. В этой связи следует вспомнить свидетельство А. Ф. Кони, который замечал, что, часто заявляя о важности реформ в области эмансипации еврейской проблемы, Витте далеко не всегда был последователен в реализации собственных идей [20, с. 272]. Последнее следует пояснить тем, что как политик и государственный деятель Витте вынужден был действовать более осторожно, предостерегая от поспешных решений, которые могут вызвать недовольство общества и стать причиной новых конфликтов: «Подобные, как и всякие политические вопросы, затрагивающие, так сказать, исторические предрассудки, в некоторой степени основанные на расовых вопросах, ...могут решаться только постепенно..., всякие быстрые резкие решения расстраивают равновесие... Государство есть живой организм, а потому нужно быть очень осторожным в резких операциях» [11, с. 401].

После назначения на пост председателя Совета министров у Витте состоялась встреча с делегацией еврейских лидеров в составе М. М. Винавера, Г. Б. Слиозберга, М. И. Кулишера. Лидеры общин обратились к нему с просьбой активизировать деятельность властей, направленную на решение еврейского вопроса. Витте ответил: «Я не юдофоб... В конце-концов другого решения еврейского вопроса не будет как то, которое имело место во всех цивилизованных странах, то есть предоставление евреям равноправия..., но это может быть сделано лишь постепенно, ибо в противном случае в некоторых сельских местностях еврейское равноправие может вызвать не искусственные, а действительные погромы, а, во-вторых, ...необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного – обращения с ним, как со всеми остальными подданными» [10, с. 328–329].

Во время своего посещения Нью-Йорка в 1905 г., связанного с подписанием Портсмутского мира, в котором американцы выступили посредниками, еврейский вопрос обсуждался как с представителями прессы, так и с рядовыми американцами. Ища для России поддержку со стороны влиятельных деловых кругов Америки, Витте встретился с банкирами Исааком Зелигманом, Адольфом Левинсоном, Яковом Шиффом. Последние встретились с политиком исключительно с целью обсуждения еврейского вопроса в России. Встреча 1905 г. прошла успешно. По итогам беседы Яков Шифф составил достаточно пространную записку для Витте. Витте показал себя сторонником решения еврейского вопроса, но полагал, что «предоставление сразу равноправия евреям может принести им более вреда, чем пользы» [1, с. 193–194]. Я. Шифф утверждал, что еврейский вопрос в России не может быть только внутренним вопросом в России. «Когда правительство или путём издания исключительных законов, или другими средствами побуждает множество своих подданных эмигрировать в другие страны в поисках лучшей жизни, народы стран, которые дают убежище, вправе критиковать условия, порождающие массовый приток беженцев... и даже настаивать на том, чтобы эти условия были изменены. Кроме того, мы, евреи, в особенности заинтересованы в улучшении положения российских евреев, ибо нас связывают религиозные и расовые чувства, и мы считаем нашей прямой обязанностью сделать всё, что в наших силах, чтобы способствовать улучшению положения евреев в России» [Там же, с. 194]. Шифф утверж-

дал, что вопреки опасениям общества российские евреи готовы получить равноправие. В качестве примера он приводит опыт евреев в других странах, показывая их гражданственность и патриотизм: «В Америке евреи – ревностные американцы, в Англии – хорошие англичане, во Франции – французские патриоты, в Германии – добрые немцы». Письмо, подписанное всеми участниками встречи, приобрело характер официального документа, содержание которого поддержал американский президент Т. Рузвельд. В лично составленном на имя Николая II письме он пояснял: «Американцы никогда не в состоянии усвоить и примириться с той мыслью, что можно различать людей в отношении их благонадежности или в отношении их порядочности по принадлежности к тому или иному вероисповеданию» [1, с. 194–195].

В своих более поздних воспоминаниях Витте убеждал, что остаётся верным противником антисемитизма. Законы против евреев опасны своим произволом. Рассуждая о связи еврейской проблемы с перспективами дальнейшего развития России, он писал: «Я убеждён в том, что, покауда еврейский вопрос не получит правильного, незлобленного, гуманного государственного течения, Россия окончательно не успокоится...» [11, с. 398].

Кроме того, Витте также использовал еврейскую тему, критикуя П. А. Столыпина. В письме А. Берштейну он писал: «Что касается желаний вашего знать моё отношение о положении еврейского вопроса, то в настоящее время оно безнадежно. Не только нельзя рассчитывать на появление каких-либо льгот, но напротив того, правительство Столыпина в угоду незначительной части людей, ныне находящихся в фаворе, изощряется в изыскании нового для еврейского населения стеснений и ограничений» [1, с. 197]. Следует заметить, что данные упреки со стороны Витте были несправедливы. Хорошо известно, что Столыпин пытался сдвинуть с места решение столь проблемного для России вопроса [24; 32, с. 177–277]. И. И. Толстой также вспоминал высказывания С. Витте относительно национальной политики П. А. Столыпина и Николая II: «Это губительная политика Столыпина, но против неё средств нет...Инородцы и евреи несут на себе большую долю вины, так как вместо того, чтобы требовать что-либо для себя в свое время равноправия с русскими, что они и получили бы (если русских секут, пусть и нас секут, если русским дают, то пусть и нам дают – лозунг ими тогда отвергнутый), они кричали о полноправии. В настоящую минуту борьба с узким русским национализмом, грозящим России серьезными бе-

дами, безнадежна: во главе национализма (политического и религиозного) стоит сам государь. Почти все министры исповедуют ту же веру. В 1905 г. правительство не имело в своём распоряжении достаточного количества войск. Теперь они у него есть..., подавят всякую внутреннюю смуту. Они подчинены монарху, а не Государственной Думе...Поэтому остаётся ожидать одного, когда волна реакции достигнет своего апогея и естественно станет опускаться. Теперь даже примирительные шаги со стороны инородцев не повели бы ни к чему, скорее даже они повели бы к ухудшению положения...» [12, с. 127].

Воздавая дань стараниям Витте после его смерти А. Берштейн писал: «Евреи оплакивают его утрату...только он один среди высокопоставленных лиц России понимал, что еврейский вопрос должен быть разрешен, если не ради евреев, то ради самой России» [1, с. 198].

С. Витте и черносотенные партии. Поддерживая инородцев в их стремлении иметь равные гражданские права, Витте вызывал на себя критику со стороны правонационалистических партий. Черносотенцы негативно воспринимали его деятельность, устраивая травлю политика в прессе и выступая с антипропагандой его реформ. Защищая и отстаивая себя, свою правоту, Витте, который не мог найти действенной поддержки у современников, использовал созданные, частично «придуманные» им лично, романтизированные образы авторитетных политиков прошлого. В частности, по разным поводам он неоднократно упоминал имя императора Александра III. Его авторитет сановник использовал для поддержки собственной позиции, убеждая, что монарх, если бы он дожил до настоящих времён, непременно осудил бы деятельность черносотинцев, подобно тому, как порицает их он сам. Упомянув о национализме Александра III («более всех своих подданных он, конечно, любил русских...»), Витте называл его благородным, поскольку монарх «...понимал, что он есть император всех своих подданных». И далее: «Он был бы возмущен, если бы жил в настоящее время, то есть во время травли всех подданных Российской империи, которые не исповедуют взглядов Дубровина, Меньшикова, Пуришкевича и тому подобных субъектов» [11, с. 200].

Черносотенные партии политик оценивал исходя из своих представлений о конструктивном и деструктивном национализме. В «Воспоминаниях» С. Витте рассуждал: «Эта партия в основе своей патриотична, но она патриотична стихийно, она зиждется не на раз-

ме и благородстве, а на страхах. Большинство из её вожаков – политические проходимцы... не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи, и все усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, тёмной толпы» [22, с. 420]. Витте определённо рассмотрел опасность усиления черного террора, который, к его удивлению, Николай II не только поддерживал, но считал за благо для оздоровления общества своей империи. В ответ на обвинение в жидомассонстве сановник писал: «Я тоже националист, но другого, аксаковского типа, не имеющий ничего общего с господами черносотенцами» [Там же, с. 452]. На результаты деятельности черносотенных партий Витте смотрел как политик-практик. Он полагал, что экстремисты несут зло внутреннему состоянию и имиджу его родины. Они не просто подрывали престиж России, пугая европейскую общественность кровавыми погромами, но тем самым затрудняли получение иностранных займов, необходимых для успешного продвижения модернизации.

Будучи сторонником реформ, либерального пути развития и противником всяческого экстремизма, левого и правого, в отношении действий черносотенных партий Витте предупреждал: «Революция по своим приемам всегда бессовестно лжива и безжалостна. Ярким доказательством тому служит наша революция справа, так называемые черные сотни или «истинно русские люди. На знамени их высокие слова, а приемы и способы их действий архилживы. Ложь, коварство и убийство – их стихия. Во главе явно стоит всякая с...ь, как Дубровин, Грингмут, Юзефович, Пуришкевич... Держится же эта революционная партия потому, что она мила психологии царя и царицы, которые думают, что тут обрели спасение» [11, с. 517].

Витте осуждал тех политиков и людей самых высоких титулов которые поддерживали черносотенцев, их прессу и другие, близкие к правозкстремистской риторике издания. И. И. Толстой, разделявший взгляды Витте по национальному вопросу, в этой связи замечал: «Газета «Новое время» – подлейшая, её влияние тлетворно, проводимая ею политика – зловреднейшая для России... Потворствуя наихудшим инстинктам, она стоит как раз на уровне политического сознания и гражданской культурности современного русского общества. Насколько это сознание низко, видно в Государственной Думе: она одобряет и вырабатывает такие законодательные проекты, за которые он, Витте, велел бы в своё время выгнать со службы столона-чальника» [12, с. 127].

Дубровинский союз Витте называл «шайкой наёмных хулиганов» [11, с. 568]. Черносотенцы платили ему тем же. В одном из воззваний к русскому народу, распространённом в конце 1905 г., правые писали: «Все инородцы, покорённые русской кровью, желают отделиться от России, а жида вооружены и ждут, чтобы среди общей смуты выкупаться в русской крови. Всех этих крамольников поддерживает Витте, женатый на жидовке» [22, с. 422]. Как свидетельствуют материалы правых партий, в декабре 1905 г. представители «Союза русского народа» вместе с А. И. Дубровиным желали добиться аудиенции великого князя Николая Николаевича, чтобы «изложить ему опасное положение России под управлением Витте, который, [как писали правые] побуждаемый жидами, ведёт к революции и распадению России» [28, с. 607]. Лидеры черносотенцев, как пишет в своём дневнике генерал Г. О. Раух, убеждали общественность, что «в России есть 8 масонских лож..., в состав одной из них входит Витте..., всё движение исключительно еврейское ...» [18, с. 607]. Среди черносотинцев, причем на самом высоком уровне представительства, распространялись едва ли не фантастические слухи. По сведениям того же Рауха, почерпнутым в беседе с А. И. Дубровиным, в Петербурге основана некая партия «Минин и Пожарский», которая, имея черносотенный характер, планировала организовать свою Варфоломеевскую ночь и «вырезать всех главарей революции, и в числе их Витте» [Там же, с. 608]. Дубровин также сообщал, что Витте возглавил заговор против царя: «...В Петербург привезены части гильотины, на которой должно погибнуть царь» [Там же, с. 609]. Имя Витте неоднократно звучало на съездах черносотенцев (например, в октябре 1906 г.). С трибун съезда звучала критика парламентаризма и стремление предотвратить возвращение сановника в политику [28, с. 211].

В день смерти Витте некоторые петербургские газеты вышли с большими статьями, посвященными памяти Витте и анализу его политики. В ответ на это черносотенные листки писали о «весьма нездоровой и нежелательной популяризации» его имени. «Одним вредным для России человеком стало меньше,» – так откликнулось на смерть С. Ю. Витте «Русское знамя» (14 марта 1915 г.), выразившее вслух чувства самого Николая II. В тот же день император писал Александре Фёдоровне: «Я уезжаю с таким спокойствием на душе, что даже сам удивляюсь. От того ли это проис-

ходит, что я беседовал с нашим Другом (Распутиным) вчера вечером, или же от газеты, которую Бьюкенен дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее. Я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир» [27, с. 116].

Выводы. В письме с просьбой об отставке, адресованном императору Николаю II 14 апреля 1906 г., С. Ю. Витте писал: «Я чувствую себя от всеобщей травли разбитым... По некоторым важным вопросам государственной жизни, как, например, крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете министров, ни во влиятельных сферах нет единства...» [10, с. 338]. Данные строки, на наш взгляд, весьма показательно демонстрируют не только последний этап, но и весь период блистательной карьеры сановника, то чувство непризнания, которое он испытывал в процессе проведения важных для государства реформ в ходе своего восхождения на политический олимп. Занимаясь производственными вопросами, находясь на ответственных государственных постах, ставя перед собой задачи прогрессивного продвижения империи по пути модернизации, С. Витте работал на результат, на прорыв, который должно было совершить государство. Его обвиняли в безыдейности, а он думал о целесообразности. Реформируя государство, продвигая державу по единственно верному для него пути, он мало задумывался над тем, взгляды какой политической направленности он поддерживает. Он всего лишь был уверен в том, что они важны и принесут позитивный результат. Витте вообще не любил резких поворотов, но совершал их в том случае, если был исключительно уверен в себе и полезности избранного им пути.

Ту двойственность, которая была присуща личной и политической биографии С. Ю. Витте, следует объяснить переходностью исторического момента, в котором находилась Российская империя, её этнической и социальной разобщенностью. Разрываясь между монархией и конституцией, государственной экономикой и либерализмом, Витте был человеком с раздвоенной идентичностью: и немец, и православный; и либерал, и монархист; и реформатор, и консерватор; и славянофил, и западник. Нацеленный на построение карьеры, он осознавал, что в условиях переходного государства с тенденцией к эскалации межэтнических противоречий, для политика важной была принадлежность к титульной этнической группе. Имея немецкие корни, он всячески демонстри-

ровал свою связь с древним русским родом и принадлежность к православной церкви. Ему нужна была чистая карьерная биография: православный – значит патриот. Как показала политическая история Витте, данная стратегия поведения, избранная им в раннем возрасте, была правильной. Витте – политика часто и много критиковали по разным поводам, но никогда он не поддавался нападкам за его кровные связи с Германией и немцами. Однако, будучи по крови скорее немцем, чем русским, Витте – человек с имплицитной идентичностью – активно выступал в поддержку других этнических групп и был последовательным сторонником либерализации межэтнических отношений. Главная направленность личности Витте-политика – патриотизм и государственность. Как приверженец концепции объединения, почитатель О. фон Бисмарка и Ф. Листа он осознавал важность не только территориального и экономического, но и социального объединения государства. Последнее, по мнению политика, было невозможным без оздоровления и разрешения межэтнических противоречий. Как полагал Витте, позитивный опыт такого объединения, апробированный Германией, лежал через создание единой политической российской нации. И в этом вопросе, возможно не отдавая себе в этом отчет, Витте вновь работал на перспективу, результат, принимая участие в важнейших государственных мероприятиях – составлении законов о веротерпимости, проводя работу по составлению манифеста 17 октября 1905 г., высказываясь по польскому, финляндскому, немецкому вопросам, пытаясь сдвинуть с мертвой точки проблему российского антисемитизма.

Национализм Витте считал важным объективным явлением современности, при этом выделял его позитивные и деструктивные проявления. Националист – не просто патриот государства, а патриот, чьи действия способствуют укреплению и усилению государства, ведут к объединению, а не разобщению. Видя цель в формировании единого гражданского общества, он выступал против экстремизма правых партий, носителей идей межнациональной розни, верховенства титульного этноса. Витте отрицал русификацию как способ культурной и политической гомогенизации и укрепления единой Российской империи. По мнению политика, лишь социальный мир и общие цели, сформированные в сплоченном (не разделённом этнической ненавистью) гражданском обществе, могут укрепить и сохранить единство империи.

Библиографические ссылки

1. **Ананьич, Б. В.** Сергей Юльевич Витте и его время [Текст] / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. – СПб.: Дмитрий Булавин, 1999. – 430 с.
2. **Ананьич, Б. В.** С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. [Текст] / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Р. А. Фадеев // Исслед. по соц.-полит. истории России. – Л.: Наука, 1971. – С. 299–326.
3. **Ананьич, Б.** Партия контрреформ [Текст] / Б. Ананьич, В. Чернуха // Родина. – 1992. – № 2. – С. 30–35.
4. **Андреева, Н. С.** Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века [Текст] / Н. С. Андреева. – СПб: Изд. дом «Мир», 2008. – 312 с.
5. **Боханов, А.** Русский Бисмарк [Текст] / А. Боханов // Родина. – 1996. – № 2. – С. 77–82.
6. **Бунге, Н. Х.** Загробные заметки [Текст] / Н. Х. Бунге // Река времён: в 2 т. – М.: Эллис Лак, 1995. – Т. 1. – С. 198–255.
7. **Венгер, Н. В.** Немецкая колонизация и российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики [Текст] / Н. В. Венгер // Два с половиной века с Россией: мат. 4-й междунар. науч.-практ. конф. – М.: МСНК-прес, 2013. – С. 34–55.
8. **Витте, С. Ю.** Воспоминания [Текст]: в 3 т. / С. Ю. Витте. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1960. – Т. 1. – 555 с.
9. Там же. – Т. 2. – 639 с.
10. Там же. – Т. 3. – 723 с.
11. **Витте, С. Ю.** Избранные воспоминания [Текст] / С. Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 708 с.
12. Витте на страницах дневника И. И. Толстого (1906–1915) [Текст] // Отеч. история. – 1992. – № 3. – С. 118–131.
13. **Витте С. Ю.** Национальная экономия и Фридрих Лист [Текст] / С. Ю. Витте. – К.: Тип. Киев. слова, 1889. – 59 с.
14. **Витте, С. Ю.** По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист [Текст] / С. Ю. Витте // Вопр. экономики. – 1992. – № 2. – С. 143–160; № 3. – С. 139–148.
15. **Витте, С. Ю.** Принципы железнодорожных тарифов [Текст] / С. Ю. Витте // Мир транспорта. – 2004. – № 1. – С. 130–139; № 3. – С. 130–137.
16. **Гиндин, И. Ф.** Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте [Текст] / И. Ф. Гиндин // Вопр. истории. – 2007. – № 5. – С. 91–117; № 11. – С. 79–110.
17. **Дякин, В. С.** Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.) [Текст] / В. С. Дякин. – СПб.: ЛИСС, 1998. – 1010 с.
18. Из дневника генерала Г.О. Рауха, генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и петербургского военного округа за 16 и 26 декабря

1905 г. [Текст] // Правые партии. Документы и материалы. – М., 1998. – Т. 1. – С. 607–609.

19. **Иларионова, Т. С.** Немцы на государственной службе России [Текст] / Т. С. Иларионова. – М.: Ин-т энергии знаний, 2009. – 224 с.

20. **Кони, А. Ф.** Краткие воспоминания о С. Ю. Витте [Текст] / А. Ф. Кони // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1968. – Т. 5. – С. 238–277.

21. **Малахов, В.** Возмутитель спокойствия: штрихи к портрету графа С. Витте [Электронный ресурс] / В. Малахов. – Режим доступа: <http://www.mirror.kiev.ua/paper/1998/34/1251/text/34-08-1.htm>. – Загл. с экрана.

22. **Мартынов, С. Д.** Государственный человек Витте [Текст] / С. Д. Мартынов. – СПб.: Людовик, 2006. – 520 с.

23. **Милоков, П. Н.** Воспоминания [Текст] / П. Н. Милоков. – М.: Вагриус, 2002. – 636 с.

24. **Миндлин, А. Б.** Еврейская политика Столыпина [Текст] / А. Б. Миндлин // Общество (серия препринтов). – 1996. – Вып. 19. – С. 206–208.

25. **Михайлов, В.** Кровавый султан [Текст] / В. Михайлов // Историческая библиотека. – 1912. – № 45. – С. 156–166.

26. **Мосолов, А. А.** При дворе последнего императора: записки начальника Канцелярии министерства двора [Текст] / А. А. Мосолов. – СПб.: Наука, 1992. – 262 с.

27. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 [Текст] / предисл. М. Н. Покровского. – М.-Л.: Госиздат, 1923. – Т. 3. – 459 с.

28. Правые партии. Документы и материалы [Текст]. – М.: РОССПЭН, 1998. – Т. 1. – 832 с.

29. **Проппер, С. М.** Воспоминания [Текст] / С. М. Проппер // Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб., 1999. – С. 403–419.

30. **Руманов, А.** штрихи к портрету: Витте, Распутин и другие [Текст] / А. Руманов // Время и мы (Нью Йорк). – 1987. – № 95. – С. 219–220.

31. **Самонов, С. В.** Министр финансов С. Ю. Витте глазами русской периодической печати [Текст] / С. В. Самонов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 8: История. – 2008. – № 2. – С. 69–78.

32. **Сидоровни, Г. П.** Глава V [Текст] / Г. П. Сидоровни // П. А. Столыпин: жизнь за Отечество: жизнеописание (1862–1911). – М., 2007.

33. **Сироткин, В. Г.** Граф Витте. НЭП и наша перестройка [Текст] / В. Г. Сироткин // Вехи отеч. истории. – М., 1991. – С. 144–162.

34. **Струве, П. Б.** Patriotica: Россия. Родина. Чужбина [Текст] / П. Б. Струве. – СПб.: РХГИ, 2000. – 352 с.

34. **Фадеев, А. М.** Воспоминания [Текст]: в 2 ч. / А. М. Фадеев. – Одесса: Тип. Высочайше утвержд. Южнорус. об-ва печат. дела, 1897. – Т. 1. – 256 с.

35. **Фадеев, А. М.** Там же. – Т. 2. – 256 с.

36. **Флоровский, Г. В.** Пути русского богословия [Текст] / Г. В. Флоровский // К. П. Победоносцев: pro and contra. – СПб., 1996. – С. 487–501.

Надійшла до редколегії 05.04.2016